

М. В. Крюков

ЕЩЕ РАЗ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ ТИПАХ ЭТНИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ

Изучение теории этноса представляет собой одну из важнейших задач современной этнографической науки. Не случайно поэтому, что за последние два десятилетия в связи с общим оживлением интереса советских этнографов к фундаментальным методологическим проблемам внимание исследователей неизменно привлекает вопрос об исторических типах этноса. Однако многое в этой области еще далеко от удовлетворительного решения.

1. В начале 1950-х годов в советской обществоведческой литературе впервые получила хождение точка зрения, согласно которой в истории человечества существовало три основных этапа этнических (или, как тогда было принято говорить, «исторических») общностей: племя, народность, нация.

Отмечая, что этнические общности различных исторических эпох значительно различаются между собой, М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров следующим образом характеризовали эти типы этноса в наиболее авторитетном издании тех лет — «Очерки общей этнографии». Для первобытного общества типична этническая общность, представляющая собой племя. Этносы эпохи рабовладения и феодализма в этнографии принято называть «народностями». С развитием капиталистических отношений возникли общности нового типа — нации, выступающие в двух исторических подтипах — нации буржуазные и социалистические¹.

Обращение советских этнографов к углубленному изучению проблем теории этноса во второй половине 1960-х годов, нашло свое отражение, в частности, в начавшейся тогда дискуссии о понятии «этническая общность». Вполне закономерно, что в ходе ее невозможно было обойти вниманием и проблему типологизации этнических общностей на разных этапах развития человечества.

Начало обсуждения этого вопроса было положено в 1964 г. С. А. Токаревым на страницах журнала «Вопросы философии». С. А. Токарев выдвинул тезис о том, что эпохам рабовладения и феодализма свойственны качественно различные типы этнических общностей, принципиально отличающиеся друг от друга по своей внутренней структуре, что являлось отражением различий в социально-экономическом строе соответствующих обществ. Исходя из этого, С. А. Токарев предлагал сохранить за этносами феодальной эпохи термин «народность», а для обозначения этнических общностей рабовладельческого общества использовать термин «демос»².

Н. Н. Чебоксаров в своей работе 1967 г. принял основные положения этой новой концепции³. Не соглашаясь с С. А. Токаревым по ряду пунк-

¹ Толстов С. П., Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Очерки общей этнографии. М.: Изд-во АН СССР, 1957.

² Токарев С. А. Проблема этнических общностей (К методическим проблемам этнографии). — *Вопр. философии*, 1964, № 11, с. 49—52.

³ Чебоксаров Н. Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых. — *Сов. этнография*, 1967, № 4, с. 102.

тов, В. И. Козлов тем не менее подчеркнул правомерность его попытки создать типологию этносов исходя из специфики их социально-классовой структуры на различных этапах истории общества. Признавая логичной идею выделения для рабовладельческой формации особого по социальной природе типа этнической общности, отличного от общности феодальной формации, В. И. Козлов пошел еще дальше в этом направлении и отметил, что «не менее логичным... представляется здесь и типологическое отделение этносов капиталистической формации от этносов социалистической (как стадии коммунистической) формации, тем более что специфическая, лишенная эксплуататорских классов социальная структура последних действительно требует этого»⁴. Полностью отказываясь от традиционных терминов «племя», «народность», «нация», В. И. Козлов предложил называть выделенные им типы этноса в соответствии с их формационной принадлежностью: этносы с первобытно-общинной структурой (ЭПС), этносы с рабовладельческой структурой (ЭРС), этносы с феодальной структурой (ЭФС), этносы с капиталистической структурой (ЭКС), этносы с социалистической структурой (ЭСС)⁵.

С принципиально иных позиций подходили к проблеме те исследователи, которые считали основным критерием типологизации этнических общностей характер социальных связей внутри этноса. Одним из первых эту точку зрения стал развивать А. Г. Агаев, пользовавшийся в своих работах традиционной триадой: племя — народность — нация. «Все дело в том, — писал он, — что каждой из форм этнической общности людей соответствует своя форма социальных связей: для родо-племеней они выражались в родовых связях, народности присущи территориальные, у нации они обретают форму экономических связей»⁶.

При этом А. Г. Агаев решительно выступает против распространенного в 1950-х годах тезиса о том, что народность как тип этнической общности характерна для эпохи рабовладения и капитализма. По его мнению, первоначальное формирование народностей действительно относится к эпохе распада первобытно-общинных отношений. Однако народности нередко возникают и в последующие эпохи — при феодализме, капитализме и социализме⁷.

Нетрудно видеть, что при такой постановке вопроса понятия племени, народности и нации утрачивают специфику исторических типов этноса, потому что по крайней мере два из них — народность и нация — сами по себе требуют исторической типологизации. И А. Г. Агаев действительно предлагает свою схему типов народностей, настаивая на необходимости различения народностей рабовладельческих, феодальных, буржуазных и социалистических⁸.

Мысль А. Г. Агаева о необходимости типологизации народности была воспринята некоторыми советскими учеными-этнографами. В своей статье 1967 г. Н. Н. Чебоксаров прямо писал о том, что нации не являются единственными этническими общностями капиталистической эпохи; в странах социализма наряду с социалистическими нациями существуют менее консолидированные экономически и менее многочисленные этносы, которые принято называть «социалистическими народностями»⁹.

Спустя 5 лет после появления этой работы Н. Н. Чебоксаров совместно с С. А. Арутюновым выдвинул новую концепцию типологизации этносов, существенно отличающуюся от прежней. В основу ее положена идея об информационных связях (инфосвязях) как основе существования этноса. Важнейшим критерием выделения исторических типов этнических общностей (в качестве таковых в данной схеме выступает племенная

⁴ Козлов В. И. О классификации этнических общностей. — В кн.: Исследования по общей этнографии. М.: Наука, 1979, с. 15.

⁵ Там же.

⁶ Агаев А. Г. К вопросу о теории народности. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1965, с. 40—41.

⁷ Там же, с. 65.

⁸ Там же, с. 56.

⁹ Чебоксаров Н. Н. Указ. раб., с. 105, 107.

группа, или «соплеменность», народность и нация) взят уровень плотности инфосвязей внутри этноса. Если структура инфосвязей племенной группы очень проста и неинтенсивна, то с появлением классового расслоения и государства плотность их существенно возрастает. Решающий фактор, позволяющий перешагнуть уровень пороговой плотности, — появление и развитие письменности. Внешней вехой, отражающей развитие народности до уровня нации, является более или менее широкое распространение в массах, хотя бы частично, начального образования, а также тесно связанное с этим формирование национального литературного языка¹⁰.

Наряду с этим С. А. Арутюнов и Н. Н. Чебоксаров полагают, что в процессе исторического развития отнюдь не все народности консолидируются в нации. Для разграничения народностей древности и средневековья, с одной стороны, и народностей нового времени — с другой, авторы предлагают ввести некий дополнительный критерий. Народности нового времени рассматриваются ими как этнические коллективы, плотность инфосвязей внутри которых достаточно высока и специфична, чтобы выделить их в отдельный сгусток, но в то же время информационные связи, соединяющие этот сгусток с какой-то другой нацией, интенсивнее связей, объединяющих сам этот коллектив. Соответственно народности древности и средневековья именуются «первичными», а народности нового времени — «вторичными». С указанными уточнениями схема форм существования этнических общностей такова: на первобытно-общинном этапе — племенные группы, на докапиталистическом этапе — первичные народности, для нового времени — нации, с которыми ассоциированы вторичные народности¹¹.

Еще один вариант типологизации этнических общностей был разработан Ю. В. Бромлеем. В основе его лежит разграничение двух значений понятия «этнос»: узкого, обозначаемого термином «этникос», и широкого, связанного с сопряженностью этнической и социальной общностей, т. е. «этносоциальными организмами» (ЭСО).

Что касается ЭСО, то, по мнению Ю. В. Бромлея, можно подразделить их на племя, народность, буржуазную и социалистическую нацию¹². Племя характерно для развитого первобытного общества¹³. Основной этносоциальной общностью докапиталистических классовых обществ является народность. Вместе с тем для рабовладельческого строя в отличие от феодального характерно существование особой разновидности ЭСО¹⁴.

Что касается этникосов, то типологизировать их Ю. В. Бромлей предлагает по аналогии с ЭСО. На раннем этапе первобытно-общинной эпохи устанавливается существование племен-этникосов, еще не превратившихся в племена-ЭСО¹⁵, а этникос развитой первобытности предлагается называть «соплеменностью», используя в новом значении термин, введенный С. А. Арутюновым и Н. Н. Чебоксаровым¹⁶. Для докапиталистической эпохи характерны этникосы, обозначаемые так же, как и соответствующие ЭСО, т. е. «народности»¹⁷. Иначе дело обстоит с этникосами капиталистической и социалистической эпох, которые Ю. В. Бромлей в отличие от ЭСО (наций) считает необходимым обозначать особым термином «национальность»¹⁸.

С другой стороны, как полагает Ю. В. Бромлей, при капитализме и социализме существуют этнические общности, которые не могут быть

¹⁰ Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества. — *Расы и народы*, 2, 1972, с. 23—26.

¹¹ Там же.

¹² Бромлей Ю. В. *Очерки теории этноса*. М.: Наука, 1983, с. 63.

¹³ Там же, с. 247.

¹⁴ Там же, с. 275.

¹⁵ Там же, с. 247.

¹⁶ Там же, с. 255.

¹⁷ Там же, с. 276.

¹⁸ Там же.

причислены ни к ЭСО, ни просто к этникосам: это буржуазные и социалистические народности¹⁹.

Последний тезис заслуживает особого внимания. Он означает, что для определения качественной сущности «социалистической народности» оказывается недостаточным даже введенное Ю. В. Бромлеем противопоставление двух значений понятия «этнос».

2. Приходится констатировать, что широко распространенный в наши дни термин «социалистическая народность» до сих пор остается лишенным серьезного научного обоснования. Более 30 лет прошло после того, как в нашей литературе впервые появилось упоминание о «народности нового, социалистического типа»²⁰. Однако теоретическая правомерность выделения этого типа этнических общностей пока никем не доказана. Хотя в имеющейся литературе нет недостатка в попытках сформулировать критерии разграничения понятий «нация» и «народность» в условиях социализма, ни одна из них не может быть признана удовлетворительной.

Одна из таких попыток восходит к известному тезису И. В. Сталина о том, что «достаточно отсутствия хотя бы одного из этих признаков, чтобы нация перестала быть нацией»²¹. Впрочем, этот подход к проблеме разграничения нации и народности, который А. Г. Агаев иронически называет «арифметическим», давно уже отброшен, и никто из исследователей последних лет к нему больше не обращался.

Другой принцип выявления различий между нацией и народностью исходит из того, что одни и те же признаки свойственны как народности, так и нации, однако в первом случае они выражены в более слабой степени, чем во втором. Данная концепция была распространена еще в 1950-х годах²², встречается она и в работах последнего времени. В коллективной монографии «Современные этнические процессы в СССР» Т. А. Жданко пишет, что «собственно этнические признаки — общность языка, культурно-бытовая специфика, этническое самосознание — в основном формировались уже в процессе их (народностей. — М. К.) этногенеза, однако все эти признаки обычно отличались характерной для этнических общностей докапиталистической эпохи незавершенностью развития»²³.

Проявление этого — свойственное народности существование внутренних подразделений, которые принято называть «этнографическими» или «этническими группами»²⁴. Но в том же труде И. С. Гурвич утверждает, что, «как известно, даже сформировавшиеся нации обычно членятся в той или иной мере на этнографические, диалектальные и локальные группы, отдельные историко-культурные подразделения, имеют в своей среде те или иные не вполне ассимилированные ими инонациональные включения»²⁵.

А. Г. Агаев отвергает оба указанных выше подхода и формулирует тезис о территориальных связях как отличительной особенности народности. «Под прогрессивным воздействием социализма бывшие „территориальные союзы“, общественные связи в которых носили земляческий характер, рушатся», — пишет этот автор, замечая тут же: «Общественные связи у народностей при социализме все же не преодолевают своего территориального характера. И чем более сельскохозяйственное (? — М. К.) народность, тем нагляднее проступают в ее этнической физиономии территориальные связи»²⁶. Но данный вывод находится в явном противоречии с наблюдением того же А. Г. Агаева: по удельному весу занятого в

¹⁹ Там же, с. 297.

²⁰ Цамерян И. Нация и народность. — Большевик, 1951, № 1, с. 61.

²¹ Сталин И. В. Соч., Т. 2, с. 297.

²² Пекарчик С. К. К вопросу о формировании и развитии польской народности. — Вопр. истории, 1955, № 8, с. 85.

²³ Современные этнические процессы в СССР. М.: Наука, 1975, с. 49.

²⁴ Там же, с. 53.

²⁵ Там же, с. 497.

²⁶ Агаев А. Г. Указ. раб., с. 147.

индустриальных отраслях населения многие «народности» стоят уже наравне, если не впереди многих наций²⁷.

Не выдерживает критики и распространенное среди части этнографов мнение о том, что уловить разницу между социалистической народностью и нацией можно по численности населения²⁸. Правы Ю. В. Бромлей и В. И. Козлов, считающие установление количественного различия между нацией и народностью упрощением²⁹. Вполне справедливо возражают они и против попыток жестко связывать понятие «нация» лишь с теми народами СССР, которые имеют государственность в форме союзной или автономной республики³⁰.

Не могут вывести проблему противопоставления народности и нации из тупика, в котором она оказалась, и другие попытки такого рода. «Нация поет преимущественно песни профессиональных композиторов на слова, составляющие индивидуальное творчество поэтов,— утверждает А. Г. Агаев.— Народность поет преимущественно народные песни, и текст, и музыка которых принадлежат коллективному, безымянному автору»³¹. Поверим здесь А. Г. Агаеву на слово, хотя, признаться, нас всеерьез занимает вопрос о том, какие же песни в таком случае поет племя.

Искусственность и схоластичность понятия «социалистическая народность» предельно отчетливо проявляются в том бесспорном факте, что, несмотря на усилия специалистов, «не установлено конкретно, какие же из национальностей СССР являются нациями, а какие — народностями»³². Этнографам хорошо известны трудности, с которыми столкнулись, например, авторы статей в «Советской исторической энциклопедии» (СИЭ), посвященных отдельным народам СССР. Анализ этого издания, вышедшего с 1961 по 1976 г., весьма красноречив. Помимо народов, имеющих свои союзные республики, к числу наций отнесены в СИЭ абхазы, башкиры, буряты, каракалпаки, осетины, тувинцы, удмурты, чуваш, якуты. Более 20 этнических общностей, проживающих на территории СССР, обозначены как народности, а еще 20 с лишним — просто как «народы». При этом выясняется, что, например, манси — народность, а ханты — народ³³; в статье «Народность» в качестве примеров этого типа этнических общностей приводятся эвенки, эвены и чукчи³⁴, а в статьях «Эвенки»³⁵, «Эвены»³⁶, «Чукчи»³⁷ они обозначены как народы и т. д.

Если за последние десятилетия что-то и продвинулось вперед в разработке понятия «социалистическая народность», так это становящаяся все более очевидной невозможность отличить ее от нации. Не случайно, что это понятие в настоящее время не употребляется практически ни в одной из социалистических стран.

В высшей степени показательно, что даже А. Г. Агаев, взявший на себя задачу создания «теории народностей» и посвятивший этой теме специальную монографию, приходит в конце концов к следующему выводу: «В общесоциологическом отношении между социалистической нацией и социалистической народностью нет какой-либо разницы. И та, и другая представляют собой национальности, народы, которые независимо от количества населения, этнического развития, расового признака и других черт равны во всем, живут одним и тем же типом общественных отношений. Они одинаково характеризуются социалистической системой народного хозяйства, советской демократией, коммунистической

²⁷ Там же, с. 241.

²⁸ Потапов Л. П. О национальной консолидации народов Сибири.— *Вопр. истории*, 1955, № 10.

²⁹ Современные этнические процессы в СССР, с. 15.

³⁰ Там же.

³¹ Агаев А. Г. Указ. раб., с. 251.

³² Там же, с. 20.

³³ СИЭ. М.: Сов. энциклопедия, 1966, т. 9, с. 39; 1974, т. 15, с. 515.

³⁴ Там же, т. 9, с. 969.

³⁵ Там же, т. 16, с. 396.

³⁶ Там же, т. 16, с. 397.

³⁷ Там же, т. 16, с. 95.

идеологией... С этой общесоциологической точки зрения допустимо... отождествление понятий нации и народности»³⁸. Продолжая эту мысль, необходимо со всей недвумысленностью подчеркнуть, что типологически не обоснованное противопоставление народностей и наций в социалистическом обществе имеет вполне определенную негативную практическую сторону. Из опыта своих полевых исследований этнографы хорошо знают, с какой остротой воспринимают подчас представители того или иного народа СССР вопрос о том, что же все-таки они представляют собой — нацию или народность. Бытование у нас научно бессодержательного выражения «социалистическая народность», ставшего благодаря прессе, радио, телевидению и другим средствам массовой информации достоянием самых широких кругов населения, является потенциальным источником этнических противоречий, не имеющих под собой реального основания.

Не предвосхищая результатов будущих теоретических разработок в области теории этноса, представляется действительно необходимым отказаться от термина «нации и народности СССР» и употреблять типологически нейтральное словосочетание «народы Советского Союза». Такое словоупотребление имеет уже длительную традицию: достаточно вспомнить один из первых документов Советской власти — «Декларацию прав народов России», проект которой был разработан В. И. Лениным.

3. Неудовлетворительность большинства схем исторических типов этнических общностей, сформулированных за последние годы, в конечном итоге объясняется тем, что, к сожалению, методические принципы типологических исследований вообще остаются в советской этнографической науке крайне слабо разработанными. Не случайно, например, что в вышедшем в 1979 г. сборнике, озаглавленном «Проблемы типологии в этнографии», обоснованию общих принципов типологизации этнографических явлений была посвящена в сущности лишь одна статья³⁹. Между тем конкретные типологии, выдвигавшиеся за последние годы советскими этнографами, зачастую грешат несоблюдением некоторых общих требований, предъявляемых к типологизации. Обратимся к вопросу о том, каковы же эти требования и в какой мере им удовлетворяют предложенные концепции исторических типов этнических общностей.

Необходимым требованием типологизации является сохранение единого принципа деления для каждой классификационной задачи⁴⁰. Типология должна быть последовательно выдержана с точки зрения того признака, который в данном случае кладется исследователем в ее основу. Введение в качестве дифференциальной переменной хотя бы одного признака уже позволяет выделить некоторое количество типологических единиц высшего уровня.

С этой точки зрения, вероятно, нельзя было бы предъявить претензий к С. А. Арутюнову и Н. Н. Чебоксарову, если бы они ограничились характеристикой типов этноса, выделенных в результате применения предложенного ими критерия — уровня плотности информационных связей внутри этноса: племенная группа (слабые инфосвязи), народность (значительные инфосвязи), нация (интенсивные инфосвязи). Если мы встанем на точку зрения авторов (в действительности сделать это все же затруднительно), то введение второго дифференциального признака — диахронный или синхронный характер инфосвязей — само по себе никак не может опровергнуть результаты первой исследовательской процедуры. Если даже для нации действительно важнее всего синхронная информация (на самом деле этот тезис отнюдь не бесспорен), то логически неверным оказывается вывод о том, что нация не есть этнос, поскольку последний определяется совокупностью всех потенциальных информационных связей⁴¹. Если же, наконец, мы ввели в число дифференциальных пере-

³⁸ Агаев А. Г. Указ. раб., с. 234.

³⁹ Чеснов Я. В. О принципах типологии традиционно-бытовой культуры. — В кн.: Проблемы типологии в этнографии. М.: Наука, 1979, с. 189—202.

⁴⁰ Каган М. С. Классификация и систематизация. — В кн.: Типы в культуре. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979, с. 9.

⁴¹ Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н. Указ. раб., с. 21.

менных третий признак (соотношение плотности внутриэтнических и межэтнических связей), то должны были бы получить на выходе не один подтип народности — «ассоциированную», но и соответствующие подтипы племени и нации. В этом случае могло бы, разумеется, сказаться, что соответствующие ячейки матрицы по тем или иным причинам должны быть оставлены незаполненными, но это уже требует особого обсуждения, от которого авторы статьи уклонились. Что же касается употребления С. А. Арутюновым и Н. Н. Чебоксаровым терминов «буржуазная» и «социалистическая» народности, то оно было бы правомерным лишь в случае введения еще одного, четвертого признака (формационная принадлежность). В этом случае мы вправе были бы ожидать выделения также «рабовладельческой» и «феодальной» соплеменности либо специального объяснения того, почему такие подтипы в схеме отсутствуют.

Точно так же можно было бы признать формально безупречной трехчленную типологию этносов, предложенную А. Г. Агаевым на основании используемого им признака — характера социальных связей, подразделяемых на родовые, территориальные и экономические (в действительности основываться на этом признаке нельзя, так как территориальные связи являются условием формирования всех без исключения типов этнической общности, а не только народности)⁴². Введение же еще одной дифференциальной переменной (формационная принадлежность) должно было иметь своим результатом выделение подтипов племени, народности и нации.

Таким образом, типология как система имеет иерархическую структуру, соотношение уровней в которой зависит от последовательности ввода дифференциальных переменных. С этим связан вопрос об относительной значимости последних. Более существенный признак позволяет нам выделить типы как единицы основного таксономического уровня, следующий за ним — подразделения типа (подтипы) и т. д. Но в типологии А. Г. Агаева иерархия уровней вообще отсутствует. Фактически им используется две в значительной степени автономные шкалы для определения исторической последовательности форм этнической общности. Первая из них основана на характере социальных связей (на этом принципе базируется выделение «формы» этноса — племя, народность, нация). Вторая связана с общественно-экономическими формациями (что позволяет идентифицировать «типы» этноса — первобытный, рабовладельческий, феодальный, буржуазный, социалистический). Но остается неясным: каково стадийное соотношение этих двух шкал между собой. Например, что выше по уровню собственно этнического развития — социалистическая народность или капиталистическая нация?

Для научной типологии, наконец, небезразлична терминология, посредством которой обозначаются те или иные единицы системы, потому что сами термины должны отражать различия как уровней иерархии, так и подразделений одного и того же уровня. С этой точки зрения вполне обоснованным было стремление С. А. Токарева избежать двусмысленности термина «народность», которым обозначались разнотипные понятия. Ю. В. Бромлей критикует С. А. Токарева за предложение обозначать рабовладельческие этносы термином «демос», ибо за этим словом в науке фактически закрепилось другое значение — народонаселение страны⁴³. Как представляется, в данном случае оппонент проявляет чрезмерную строгость, поскольку в нашей этнографической литературе термин «демос» в этом значении практически не употребляется. Совсем другое дело — термин «народность». Непонятно, почему Ю. В. Бромлей, обычно смело идущий на конструирование новой терминологии там, где это диктуется необходимостью, изменил своей принципиальной позиции и ограничился использованием весьма нечеткого в смысловом отношении термина «народность». В статье 1972 г. это было сделано «в ожидании, пока будут созданы специальные термины»⁴⁴; та же формулировка, повторе-

⁴² Козлов В. И. Указ. раб., с. 19—20.

⁴³ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса, с. 274.

⁴⁴ Его же. Опыт типологизации этнических общностей, с. 69.

на в книге, увидевшей свет в 1983 г.⁴⁵ Не слишком ли затягивается ожидание?

4. В нашей литературе широко распространено утверждение, что типологическая триада «племя — народность — нация» основана на формационном критерии.

Ю. В. Бромлей, говоря о сущности этносоциального организма, отмечает, что «принадлежность к той или иной формации неизбежно придает ему особый характер. Этот факт по существу и лежит в основе обычного для нашей литературы последних лет выделения таких историко-стадиальных типов этносоциальных общностей, как племя, народность, буржуазная и социалистическая нация»⁴⁶. Тем не менее приходится признать, что почти все авторы конкретных типологических схем исторического развития этноса так или иначе отходят от декларируемого ими основополагающего принципа, а фигурирующее в большинстве этих схем понятие «народность» вообще несовместимо с формационным подходом.

В самом деле, по А. Г. Агаеву, народность представляет собой явление, существующее вне зависимости от того, какой способ производства определяет специфику общества: рабовладельческий, феодальный, капиталистический или социалистический. То обстоятельство, что формационная принадлежность учитывается им при выделении типов народности, лишь подчеркивает надформационный характер самого этого явления.

В сущности то же самое может быть сказано и о типологической схеме Ю. В. Бромлея, в которой рабовладельческая, феодальная, буржуазная и социалистическая народности выступают как подтипы народности⁴⁷. Но это означает, что формационная принадлежность не имеет никакого отношения к выделению народности вообще как историко-стадиального типа этнических общностей. Учитывая, что в любой научной типологии основные таксономические единицы — типы как таковые конструируются на основе наиболее значимых, фундаментальных признаков, чем единицы следующего уровня — подтипы, нельзя не признать формационную принадлежность в данной схеме менее существенным признаком, чем тот (оставшийся здесь несформулированным), который явился основанием для выделения «народности» как типа этноса.

С. А. Арутюнов и Н. Н. Чебоксаров, принимающие уровень плотности инфосвязей в качестве наиболее фундаментального признака, позволяющего дифференцировать типы этнических общностей, сочли все-таки неудобным вовсе отказываться от каких-либо ссылок на формационный критерий. Поэтому они упоминают в своей работе о буржуазных и социалистических народностях⁴⁸, впрочем, тут же оговаривая, что в сущности первые не отличимы от вторых и в своей совокупности составляют «вторичные народности» (или «народности нового времени»), противопоставляемые «первичным народностям» («народностям древности и средневековья»)⁴⁹.

Как уже об этом говорилось выше, первым советским исследователем, вставшим на позиции формационного критерия выделения типов этнических общностей, был С. А. Токарев. Он не только противопоставил народности рабовладельческой и феодальной эпох как самостоятельные типы этноса, но и предложил для них особые термины. Что же касается концепции В. И. Козлова, то она может рассматриваться как типология С. А. Токарева, доведенная до требуемой логической четкости.

Схема, предложенная В. И. Козловым, — не только первая в нашей науке типология этносов, в которой не на словах, а на деле формационный критерий последовательно выдержан во всех ее звеньях, но и пока единственная схема, удовлетворяющая строгим требованиям научного типологического анализа.

⁴⁵ *Его же*. Очерки теории этноса, с. 275.

⁴⁶ Там же, с. 63.

⁴⁷ Там же, с. 275.

⁴⁸ Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н. Указ. раб., с. 26.

⁴⁹ Там же, с. 27.

Означает ли сказанное, что с появлением типологической схемы В. И. Козлова этнографам нечего больше делать в области разработки исторических типов этноса? Нет, не означает.

Для одного и того же множества изучаемых явлений в зависимости от цели исследования может быть создано несколько принципиально различных типологий. Некоторые из советских этнографов, возможно, не согласятся с этим. И тем не менее это один из важнейших исходных принципов любого типологического анализа, возражение против которого может свидетельствовать лишь о том, что в нашей области науки методика такого анализа не стала еще достоянием широких масс этнографов. Ведь даже в археологии, всегда уделявшей типологическим исследованиям гораздо больше внимания, «только недавно было осознано (очень немногими), что исследовательских группировок, причем правильных, для каждого материала может быть несколько, а надежда выявить универсальную группировку является утопией»⁵⁰.

Типология этнических общностей, основанная на формационном критерии, является одной из таких «правильных группировок» — одной, но не единственной. Ее правильность в том, что она последовательно воплощает в себе важнейший критерий, позволяющий оценивать развитие любого аспекта человеческого общества с материалистических, марксистских позиций. Но критерий этот слишком фундаментален и всеобъемлющ для того, чтобы дать конкретные ответы на вопросы, связанные с более частными закономерностями истории отдельных аспектов общества. Если бы это было не так, общественные науки утратили бы специфику предмета своих исследований, и в литературоведении, например, характеристику творческого метода Пушкина можно было бы заменить указанием на то, что этот поэт жил в эпоху феодализма. Поэтому прав В. И. Козлов, когда он предполагает возможность создания в будущем новых систем типологизации этносов⁵¹. В них должна найти отражение историческая эволюция собственно этнических признаков, свойственных народам мира.

5. Одним из важных достижений этнографической науки в области теории этноса выросло обоснованное за последние годы положение о необходимости отличать этнические признаки (черты, свойственные тому или иному этносу в противоположность другим) и этнообразующие, или этностимулирующие, факторы (условия формирования и развития этноса).

Было показано, что общность экономической жизни, ранее обычно рассматривавшаяся как один из признаков этноса, в действительности не имеет сама по себе этнической специфики. Вместе с тем возникновение на определенной территории устойчивых экономических связей создает необходимые объективные предпосылки для формирования этнических отношений. Наряду со связями, порождаемыми в процессе производства материальных благ, важным условием сложения этнической общности являются также отношения воспроизводства самой человеческой популяции, т. е. брачные связи. На этой основе под влиянием внешней среды начинают постепенно складываться собственно этнические признаки, проявляющиеся главным образом в сфере культуры. Важнейшим из них является этническое самосознание — вторичный признак, в той или иной мере отражающий уже сформировавшуюся этническую специфику.

Если говорить о предпосылках возникновения и развития этнических общностей, то помимо факторов, способствующих этому процессу, можно выделить также обстоятельства, действующие в обратном направлении и препятствующие ему. К числу такого рода факторов, которые могут быть названы «этностагнирующими», относится, в частности, низкий уровень социальной мобильности, связанный с существованием внутри этноса сословных, кастовых или иных перегородок, замедляющих формирование общетнических культурных характеристик.

⁵⁰ Клейн Л. С. Понятие типа в современной археологии. — В кн.: Типы в культуре, с. 55.

⁵¹ Козлов В. И. Указ. раб., с. 21.

Сказанное имеет отношение не только к конкретной истории отдельных народов, но и к общим закономерностям этнического развития человечества в целом. Мы живем в эпоху интенсификации этнических процессов, когда взаимоотношения между этносами в большинстве случаев проявляются отчетливо и недвусмысленно. Но история человечества знала периоды, заметно отличавшиеся друг от друга по степени активности этнических связей. Исследователи отмечают, в частности, следующие особенности этнической ситуации у австралийских аборигенов: «То, что называется племенем в Австралии, представляло собой относительно аморфную общность с весьма нечеткими границами. Эта общность локализовалась на определенной территории, однако границы последней отличались относительной условностью и подвижностью. С лингвистическими, социокультурными и генетическими границами такая общность совпадала только в тенденции. Этническое самосознание ее членов было выражено весьма слабо. Зачастую она не имела самоназвания. Вычленив эту общность не так-то просто»⁵².

С аналогичными трудностями сопряжено изучение этнического состава населения Новой Гвинеи. Выясняется, что границы расселения папуасских «племен», как правило, не имеющих самоназвания, во многом зависят от того, где находятся и проводят полевые исследования этнографы: если бы они «жили в других деревнях или двигались по другим маршрутам, то и границы племенных территорий были бы иными»⁵³. Папуасы Новой Гвинеи дают нам наглядный пример ситуации, в которой этнические отношения выражены неотчетливо, находясь в состоянии стагнации.

На позднем этапе истории первобытного общества, когда уровень этнического развития, казалось бы, должен был возрасти по сравнению с предшествующим периодом, процесс этот тормозится вследствие того, что в действие вступают некоторые новые факторы. Один из важнейших среди них — появление социальной стратификации в виде иерархически соподчиненных общественных «рангов», принадлежность к которым определялась отношениями генеалогического родства и была, таким образом, наследственной. Во многих случаях в подобных стратифицированных обществах возникает система символов-атрибутов, отличающих каждый из «рангов» и проявляющихся в сфере материальной и духовной культуры, а также языка. Вертикальная социальная мобильность при таких обстоятельствах находится на предельно низком уровне, часто практически равна нулю. Возникновение подобной системы социального деления представляет собой серьезное препятствие на пути формирования общности культуры, общих для всего этноса в целом⁵⁴.

Появление частной собственности, развитие товарно-денежных отношений и рабства привели к кризису иерархической структуры общества, основанной на наследственном принципе. Реформы Солона в Греции, Сервия Туллия в Риме, Шан Яна в Китае нанесли по ней решающий удар и расчистили дорогу социальным отношениям, в условиях которых не знатность, а богатство определяло положение человека в обществе. Развитие экономических связей и социальной мобильности объясняет нам, почему эпоха античности отмечена резким скачком в развитии этнических отношений. Персы эпохи Ахеменидов, эллины, хуасы и другие древние народы качественно отличаются от тех в значительной мере аморфных общностей, которые были свойственны человечеству на более ранней стадии его развития.

Наступление эпохи феодализма сопровождается активизацией действия факторов, отрицательно сказавшихся на процессах развития этнических отношений. Характеризуя особенности этнической ситуации в

⁵² Шнирельман В. А. Протоэтнос охотников и собирателей (по австралийским данным). — В кн.: Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М.: Наука, 1982, с. 100.

⁵³ Бутинов Н. А. Папуасы Новой Гвинеи. М.: Наука, 1968, с. 26.

⁵⁴ Крюков М. В. Социальная мобильность и этнические процессы в древнем Китае. — В кн.: XIV науч. конф. «Общество и государство в Китае». Тез. и докл. Ч. 2. М.: Наука, 1983, с. 3—4.

раннесредневековой Европе, Ф. Энгельс весьма точно подметил тенденцию стагнации этничности: «Народ растворился в союзе мелких сельских общин, между которыми не существовало никакой — или почти никакой — экономической связи»⁵⁵. Действительно, натурализация хозяйства противодействовала поддержанию общности этноса и тем самым способствовала ослаблению его признаков. Не менее существенное значение имела в этом отношении сословная система эпохи феодализма. В целом господство феодальных отношений всегда сопровождалось понижением уровня выраженности этнической специфики. Этнические различия оказывались приглушенными, затушеванными, отходили на второй план, уступая свое место сословной или конфессиональной принадлежности. Некоторое представление об этом дает нам современная этническая ситуация в Индии: несмотря на принятый в нашей литературе тезис о существовании «хиндиязычных народов», этническое самосознание большинства населения штатов Уттар Прадеш и Мадхья Прадеш весьма аморфно и во всяком случае проявляется несравненно менее отчетливо, чем осознание принадлежности к касте.

С зарождением капиталистического способа производства связано начало нового этапа в этническом развитии человечества. Преодоление региональной обособленности, приоритет рыночных отношений способствуют налаживанию устойчивых «горизонтальных» связей внутри этнических общностей. Одновременно в результате ломки сословных барьеров устраняются препятствия для развития «вертикальных» связей, что в конечном итоге приводит к резкой активизации этнических отношений.

Таким образом, в истории человечества можно выделить два этапа, характеризующихся ускоренным развитием этничности: первый из них соответствует в основном эпохе рабовладения, второй начинается в эпоху поднимающегося капитализма. Заметим, однако, что интенсификация этнических отношений и в том и в другом случае определялась не способом производства как таковым, а тем, что на данном этапе человеческой истории складывалось благоприятное соотношение этностимулирующих и этностагнирующих факторов. Именно поэтому возникновение различных по своей политэкономической сущности способов производства в аспекте этнической истории приводило к аналогичным результатам.

Тем не менее древние этнические общности в качественном отношении отнюдь не тождественны современным. Их различие выявляется на уровне внутренней структуры важнейшего признака этноса — этнического самосознания. Как показывают специальные исследования, историческая эволюция этнического самосознания проявляется прежде всего в изменении относительной значимости отдельных его компонентов, причем некоторые из них в процессе развития этноса трансформируются или исчезают вовсе, уступая место другим⁵⁶. Специфической чертой древних этносов является возникающее в эпоху античности представление о врожденной, непреходящей противоположности «нашей» общности и всех других людей — варваров «с лицом человека и сердцем дикого зверя»⁵⁷. В отличие от иных компонентов этнического самосознания идея деления человечества на «нас» и варваров не отражает каких-либо объективных свойств этнических общностей, существуя только на уровне сознания. В условиях классового общества с его социальным антагонизмом это представление оказывается чрезвычайно устойчивым.

Вспышка этнической активности в новое время порождает иное толкование антитезы «мы — они»: на этом этапе впервые получает четкое выражение идея единства человеческого рода. «Наша» общность рассматривается теперь как одна из множества в принципе ей подобных. Это отнюдь не означает преодоления этнических предубеждений, однако последние выступают в новой форме; этнические стереотипы связываются отныне не с делением человечества на две неравные половины, а с мни-

⁵⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19, с. 496.

⁵⁶ Крюков М. В. Эволюция этнического самосознания и проблема этногенеза. — Расы и народы, 6, 1976, с. 60.

⁵⁷ Бань Гу. Ханьская история. Т. II. Пекин: Чжунхуа, 1964, с. 3834 (на кит. яз.).

мым превосходством «своего» этноса над соседями. Лишь утверждение социалистических отношений, ликвидирующее фактическое неравенство народов, создает предпосылки для искоренения любых проявлений этнических предрассудков в сознании людей.

Представляется, что сформулированные выше критерии могут быть использованы в качестве основания исторической типологии этнических общностей, представляющей собой одновременно периодизацию процесса этнического развития человечества. На первом этапе, совпадающем в целом с эпохой первобытности, а р х а и ч е с к и м этническим общностям свойственны аморфность их специфических признаков, низкий уровень выраженности этнического самосознания (что проявляется зачастую в отсутствии самоназваний), нечеткость этнических границ. Второй этап соответствует эпохе рабовладения; он отмечен активизацией этничности, вследствие чего древние этносы обладают отчетливо выраженным этническим самосознанием, в основе которого лежит обычно представление о делении человечества на «нас» и варваров. На третьем этапе по мере развития феодализма наблюдается процесс стагнации этнических общностей; средневековые этносы зачастую утрачивают свой дискретный характер, их специфика затушевывается, а этнические связи оттесняются на второй план социальными отношениями иного рода. На четвертом этапе кризис феодализма создает объективные предпосылки для интенсификации этнических связей; современные этносы характеризуются четкой выраженностью своих свойств, что сопровождается формированием принципиально новых компонентов этнического самосознания. Выявляя закономерности возникновения и смены исторических типов этноса, соответствующих указанным выше этапам этнического развития, мы можем предвидеть, что с победой коммунистических общественных отношений начнется новый, пятый этап, когда этническое деление общества будет постепенно утрачивать свою нынешнюю актуальность, а этническое самосознание уступит место другим формам общественного сознания человечества.

А. И. Першиц

ЭТНИЧЕСКИЕ ОБЩНОСТИ И ФОРМАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС

Статью М. В. Крюкова хотелось бы приветствовать по нескольким причинам. Первая: всегда полезно критически рассмотреть под новым углом зрения установившиеся и ставшие привычными взгляды, а такими нередко становятся даже взгляды, высказанные какие-нибудь десять — пятнадцать лет назад. Вторая: статья еще раз привлекает внимание к необходимости формационного понимания всех сколько-нибудь важных исторических явлений вообще, исторических типов этнических общностей в частности. Третья: предложенный в статье типологизационный критерий как один из возможных критериев представляется заслуживающим внимания. И еще одна: в то время как этническая дифференциация в нашей литературе все чаще рассматривается как имманентная природе человека современного вида и неизменно полезная своего рода отбором этнокультурных ценностей, автор статьи напоминает, что с победой коммунизма начнется новый этап, когда этническое деление общества будет «постепенно утрачивать свою нынешнюю актуальность, а этническое самосознание уступит место другим формам общественного сознания человечества» (с. 69) *.

Но, приветствуя звучащий в статье призыв к формационному подходу, я никак не могу согласиться с реализацией в ней этого подхода.

* Здесь и в последующих откликах ссылки на статью М. В. Крюкова даются в тексте.